

УДК 821.161.1

Довгий О.Л.

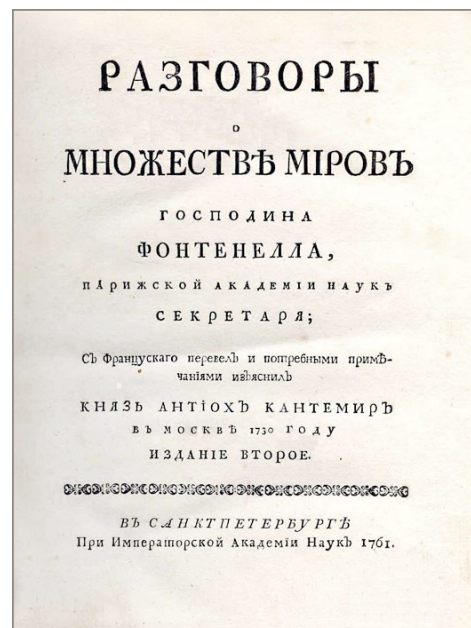
«ПИР У КАНТЕМИРА». КРУГЛЫЙ СТОЛ В РГГУ

Аннотация. Материал представляет собой краткий отчет о прошедшем в мае 2014 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) круглом столе «Пир у Кантемира».

Ключевые слова: Антиох Дмитриевич Кантемир, русская культура, *ars inveniendi*, кантемировская энциклопедия, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).

24 мая в РГГУ прошёл круглый стол «Пир у Кантемира», приуроченный к 270-летию со дня смерти князя Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708-1744), чья короткая жизнь оставила яркий след в русской истории и культуре.

Мероприятие было организовано гуманитарным клубом «Intrada» в сотрудничестве с Историко-филологическим факультетом РГГУ и Институтом мировой литературы им. А.М.Горького РАН. За круглым (вернее, овальным) столом Профессорской аудитории собрались те, кто хотел поделиться своими открытиями и находками (филологи и историки из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы), и те, кто, привлечённый необычной формой конференции, захотел что-то узнать о неведомом доселе поэте. На экране в течение встречи сменялись две заставки: портрет юного красавца

князя Кантемира и титульный лист переведённого им с французского «Разговора о множестве миров» Фонтенеля. Встреча проходила в форме свободной дискуссии.

О.Л.Довгий (к.ф.н., факультет журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова) во **вступительном слове «Достоин ли Кантемир энциклопедии»** рассказала, что идея конференции выросла из странички «Как говорит мой чистосердечный Кантемир» в социальной сети ВКонтакте (там постоянно публикуются цитаты из сочинений Кантемира, созвучные нашему времени), а форму «пира» подсказал сам Кантемир. Пир – это разнообразие, это возможность выбрать. Кантемир такую возможность предоставляет: он разный – учёный, государственный деятель, переводчик, дипломат, поэт-сатирик. И часто рядом с его именем стоит гордое определение «первый». Люди с самыми разными вкусами и интересами не могут остаться равнодушными к судьбе «разумна Кантемира» (А.П.Сумароков). Не случайно в качестве заставки выбраны «Разговоры о множестве миров». Пир задуман как разговор о множестве миров самого Кантемира. Каждая его ипостась, каждый мир заслуживает отдельного разговора. И тем не менее, он практически забыт. Доходит до курьёзов: на вопрос, кто такой Кантемир, часто отвечают, что он как-то связан с Кантемировской дивизией. К Кантемиру принято относиться как к чему-то давно прошедшему, вызывающему уважение почтенностью возраста, но не представляющему никакого интереса и не имеющему никакой связи с современностью. День памяти – это повод вспомнить, осознать, как велики дары Кантемира русской культуре. Кантемир – энциклопедически образованный человек; и было бы естественно, если бы была создана кантемировская энциклопедия. Для начала можно бы подготовить словарь (или энциклопедию) его поэтики.

Кантемир достоин энциклопедии по двум причинам – на первый взгляд, противоположным.

1) Причина первая: «как много он сделал». В.Г.Белинский справедливо заметил, что Кантемир «первый свёл поэзию с жизнью». Вся его деятельность была проникнута энергией *ars inveniendi*. Он выполнял для русской поэзии операцию *inventio* (нахождения). Европейски образованный человек, Кантемир все созданное европейской поэтикой использовал как *coria verborum*, находя в ней, извлекая из нее все, что могло пригодиться русской литературе. «Что было у Горация, занял у француза. /О коль собою бедна моя муза./Да верна; ума хоть пределы узки:/Что взял по-галльски – заплатил по-русски», – так сам Кантемир описал путь создания грандиозной поэтологической российской *coria verborum* на базе западноевропейской. Подражание-соревнование – именно этот путь он избрал. Для определения деятельности Кантемира подходят любые метафоры, связанные с «*ars inveniendi*», с энергией нахождения: географические (он создавал карты, атласы, путеводители), информационные (папки, файлы, каталоги), хозяйственные (лавка-склад). Он дал, что изображать, и показал – как. Жизнь во всём её

многообразии – от дальних стран (Перу, Америка, Китай, Италия, Франция) и светил (Солнце, Венера, Юпитер, Сатурн) до повседневных мелочей (квас, пиво, соль, щи). Жизнь человека, жизнь государства, жизнь поэтического произведения – всё это есть у Кантемира, как на уровне RES, так и на уровне VERBA, всё он описал, для всего нашёл слова. Его принцип – детализация. Особенно тщательно укомплектован у него раздел «Поэтика»; там есть практически все, что относится к поэтологической теме. Семь персонажей универсального поэтологического сюжета (по А.Е.Махову) – 1) поэзия; 2) поэт; 3) материя; 4) слово; 5) произведение; 6) читатель/слушатель; 7) система произведений – представлены тщательнейшим образом. Позднейшие сочинители имели возможность свободно совершать операцию *electio verborum*, не задумываясь, откуда все это богатство взялось. Свод поэтологических метафор Кантемира по своей широте и универсальности сравним с миром вещей; практически весь образно-мотивно-формульный реестр поэтологической топики присутствует в сочинениях Кантемира; все основные метафорические коды, которыми оперирует русская поэзия, у него есть (метафора телесная, семейная, астрономическая, стихийная, водная, огненная, ткацкая, медицинская, обувная, одежды, бестиарная, металлургическая, ювелирная, вкусовая и т.д.).

2) Причина вторая: «как мы всё забыли». Художественные находки Кантемира вошли в плоть и кровь русской поэзии; стали незаметны, как воздух; русская литература пользуется ими более трёх веков – напрочь забыв об авторстве этой богатой поэтологической кладовой. Граф Д.И.Хвостов сформулировал сущность этого явления: «Что до тебя родясь, Федр у тебя украл». Именно так произошло с Кантемиром. В области самиздата он тоже среди первых: «Стихотворных его сочинений много, и лучшими почитаются сатиры... да и поныне ещё все они писменные только обносятся», – писал в 1755 г. В.К.Тредиаковский. Его голос зазвучал слишком поздно. Напечатаны были Сатиры лишь в 1762 году – через 18 лет после смерти автора; а до этого сочинения, тщательно подготовленные самим автором к изданию, расходились в списках, были хорошо известны русским литераторам, которые охотно пользовались кантемировыми находками, включая их свой арсенал.

Весь этот каталог мотивов и метафор привычен до банальности: какой же поэт не жалуется на муки творчества, на невнимание читателей, на упрямство музы? Не уподобляет стихов потоку, а себя трудолюбивой пчеле? Нет поэта, способного обойтись без помощи этого каталога. Например, если нужно описать Петра – сочинитель привычно прибегает к морской, корабельной метафоре (Пётр – рулевой, Россия - корабль); если речь идёт о поэзии – к услугам сочинителя метафора водная (поэзия, разумеется, – поток; стихи, как водится, – текут). Пушкинские примеры возникают в памяти автоматически. И Кантемир выступает в роли вора-Федра, обокравшего «солнце русской поэзии». Система метафорических кодов достигла у Пушкина высшей точки совершенства; и зачем вспоминать, что когда-то давно был Кантемир, который в своих силлабических стихах всю эту систему метафор выстроил; весь этот масштабный каталог создал? У читателя нет никакого желания идти вглубь истории и вновь переоткрывать Америку, применять операцию *inventio* к самому Кантемиру, находить, открывать у него то, что нам знакомо

по стихам более поздних поэтов. А стоило бы. Чтение «назад» – чтение Кантемира сквозь призму Пушкина – оказывается очень полезным. Даже если создать только словарь (или энциклопедию) поэтики Кантемира – это будет большое дело. Деятельность Кантемира как переводчика, как филолога, как законодателя оформления книги – всё это должно быть зафиксировано и осмыслено. Особого разговора заслуживает культура примечаний и комментариев. Энциклопедия поэтики Кантемира нужна, чтобы не просто восклицать: «Ах, у Кантемира чего нихватишься, всё есть», а чтобы научно подтвердить и доказать это. Она может быть и электронной – это значительно удешевит проект и сделает его более доступным для читателей. А для того, чтобы создать полную кантемировскую энциклопедию, описывающую все сферы его деятельности, одних филологов может оказаться недостаточно.

М.Ф.Надъярных (к.ф.н., с.н.с. Отдела литератур Европы и Америки новейшего времени ИМЛИ РАН) в докладе **«Дары Кантемира в инвенционных контекстах»** отметила, что имя Антиоха Кантемира не упоминается в исследованиях по истории диалога русской и латиноамериканской культур. Между тем, Кантемир одним из первых в России обращается не к хроникально-исторической, но к философско-поэтической интерпретации Нового Света (ср. «Письма о природе и человеке», текст и примечания II, VI Сатир, первой редакции V Сатиры и т.д.). Познание Америки включается Кантемиром в ряд новейших научных открытий (Песнь IV «В похвалу наук») и описывается с помощью ряда употребленных как синонимы глаголов: «доходить», «находить», «изобретать». Сочетание этих русских слов может быть возведено к одному общему понятию, в русском языке отсутствующему, но судя по всему подразумеваемое Кантемиром. Это понятие о некоем «инвенционном» акте, на предикативном уровне обозначаемое формами глагола *invenire* (*invenio, inventus, inveniendi*), на уровне субъектов действия – словом *inventor*, на субстантивном уровне – словом *inventio*. Действительно, в эпоху Ренессанса, в эпоху Великих географических открытий, встреча с новыми землями именовалось на латыни словом *inventio*, а процесс вхождения в эти новые миры существенно определялся динамической многомерностью инвенционных смыслов, которые по-своему поддерживали целостность «свода» (термин А.В.Михайлова) и латинско-античной, и средневековой, и ренессансной, и барочной культуры. В пересечении этих смыслов оформлялась напряженная связность сакрального и мирского, архаики и современности (архетипического и вечно-временного), современности и традиции, *ars inveniendi* и *ars memorandi*, мистики, науки и техники, риторики и диалектики. За различными русскими «ключевыми словами» текстов Кантемира, как и за неким набором ключевых для Кантемира сюжетов, топосов, мотивов обнаруживается подвижное единство этого многомерного «инвенционного» поля. Тексты Кантемира могут сущностно и существенно объединяться под знаком инвенционных контекстов. При этом раскрывается системность замысла Кантемира, общие основания его «изобретения» традиции русской словесности в ее художественных и философских ракурсах.

В.Л.Коровин (к.ф.н., филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова) в докладе **«Кантемир и Библия: несколько аспектов проблемы»** отметил, что тема «Кантемир и Библия» никем

специально не изучалась, между тем она интересна в разных аспектах. Во-первых, это биографический вопрос о круге научных интересов Кантемира, автора первого указателя к славянскому тексту Библии («Симфонияна Псалтирь», 1727), среди книг которого после его смерти обнаружили не только разные переводы Библии, но и специальные труды по библейской экзегетике и Священной истории. Во-вторых, историко-литературный аспект проблемы. В отличие от Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, Кантемир не перелагал стихи библейских текстов ни в лирическом (с оговоркой здесь можно назвать только оду «О надежде на Бога»), ни в эпическом роде, хотя проявлял повышенный интерес к «Потерянному раю» Мильтона.

И в-третьих, это вопрос о текстологии и датировке его Сатир. Сравнение ранних и поздних редакций показывает, что Кантемир последовательно удалял из своих примечаний имевшиеся в них поначалу указания на параллели с библейскими текстами. На наш взгляд, он руководствовался при этом отнюдь не идейными («антиклерикальными»), а эстетическими соображениями, стремясь отделить создаваемую им новую светскую литературу от церковной книжности не только по жанру и стилю, но и по тематике и источникам цитирования (для следующего поколения литераторов, напротив, характерно стремление к религиозному оправданию новой литературы). В этой связи возникают, в частности, дополнительные аргументы для того, чтобы отвести приписываемое Кантемиру авторство так называемой «девятой» сатиры («К Солнцу»).

И.В.Розина (к.ф.н., зав. отделом Всероссийского музея А.С.Пушкина, Санкт-Петербург) в сообщении **«Служение и служба: карьера государственного деятеля и литератора»** предложила очень интересный проект: издание тематического энциклопедического словаря «Мундир и Лира. Русские литераторы на государственной службе. XVIII – нач. XX вв.». Дворянин в России всегда служил. Но во второй половине XVIII века, при Екатерине II, акценты сместились: сама служба постепенно становится необязательной, но дворянство продолжало свое образование и воспитание в духе своего времени. Долгое время мир службы и мир культуры мирно сосуществовали, но вскоре (в период правления Екатерины II), молодые талантливые (как сказали бы сегодня, перспективные) люди, сильные и целеустремленные личности выходят в отставку и полностью посвящают себя творчеству, литературе, общественному служению. Эту разницу отметил Ю.М.Лотман. Он подчеркнул также стилистическую и семантическую дифференциацию между государственной службой и общественным служением. Если «служба», то обязательно государственная. Если «служение», то непременно высоким общественным гуманным идеалам. Традиция высокого служения Слову и верной Службы государству, одним из основоположников которой был дипломат и поэт А.Кантемир, нашла яркое продолжение в XVIII-XIX вв. Многие имена вошли не только в литературные хрестоматии, но и в историю государственной службы. (Г.Р.Державин, А.С.Шишков, А.С.Грибоедов, М.Е.Салтыков-Щедрин, выпускники Императорского Царскосельского (Александровского) Лицея и др.). Издание тематического энциклопедического словаря «Мундир и Лира. Русские литераторы на

государственной службе. XVIII – нач. XX вв.» будет актуальным и востребованным. В проекте словника: персоналии русских литераторов и государственных деятелей начиная от А.Кантемира.

Т.А.Алпатова (д.ф.н., профессор МГОУ) в докладе на тему **«Проблема становления дворянского самосознания в сатирах А.Д.Кантемира»** остановилась на одной из «сквозных» и в известной мере «универсальных» тем XVIII в. – теме дворянства, его чести и долга, а также – свободы и личной самостоятельности, применительно к творчеству А.Д.Кантемира.

В сознании самого писателя проявляются такие доминанты дворянского бытия, как благородие, приобретаемое по рождению, благонравие, получаемое личными усилиями человека, и наконец, благополучие – то самое «искусство жить» привилегированного сословия. Последнее подвергается сатирическому осуждению, когда не опирается на личные заслуги, однако вполне достойно и прекрасно, когда от этих заслуг зависит и реализуется в легитимных для Кантемира формах «высокого» наслаждения, которое дают образование, науки и искусства. Именно на этом основании тема дворянского самосознания у Кантемира и раскрывается в своем «положительном» аспекте: осуждая пороки, он одновременно показывает идеал – и в виде абстрактно-рационалистического имплицитно возникающего в сатире полюса должного (наиболее яркая его реализация – «ум» в Сатире Первой), и в виде непосредственно изображаемых достойных дворян, среди которых центральное место занимает автобиографический образ «я» поэта – постепенная кристаллизация которого также стала сквозной темой в сатирах Кантемира.

В отношении к теме дворянского самосознания в сатирах Кантемира можно четко проследить определенную эволюцию. Категории долга и «благонравия» при этом остаются практически неизменными; трансформациям подвергается главным образом мотив «благополучия» – «искусства жить»; от сатир, созданных в России (I–V) к тем, что были написаны за границей (VI–VIII), изменения этого мотива связаны с постепенным усложнением нравственно-философской трактовки.

В сообщении **О.Л.Довгий «Батюшков и Кантемир: уровни диалога»** шла речь о том, что при параллельном чтении двух поэтов необходимо обращать внимание не только на тематические, мотивные переключки, но и на формульные, словесные – когда чтение одного автора другим переходит в режим «полуосознанного подражания». Кантемир был «вечным спутником» Константина Батюшкова: тому свидетельством не только очерк «Вечер у Кантемира», проникнутый пониманием величия и трагизма фигуры русского посланника в Париже («Кто понимал его? Кто восхищался его русскими стихами? — В самой России, где общество, науки и словесность были еще в пеленах, он, нет сомнения, находил мало ценителей своего таланта...»), не только многочисленные свидетельства современников о постоянном чтении Батюшковым Кантемира, но и наличие большого количества «кантемировских» словечек в текстах Батюшкова. Иногда он их «закавычивал» – как в случае с глаголом «шалеет» («Как говорит мой чистосердечный Кантемир») или выражением «новый житель света» («Какое щастливое название

младенца!»); чаще они проскальзывали незамеченными и для него самого. Фиксация и анализ употребления таких кантемировских вкраплений в сочинениях Батюшкова позволит дать новый поворот теме «Кантемир и Батюшков».

В докладе **М.Р.Ненароковой** (д.ф.н., ИМЛИ РАН) **«Рассуждение о цветочках Кантемира»** речь шла о символическом значении цветов в творчестве Антиоха Кантемира. Хотя значения, придаваемые различным растениям и цветам, встречающимся как в русской, так и в зарубежной поэзии и прозе, были объединены в стройную систему, в так называемый язык цветов, только в конце XVIII в., символика растений была известно еще в античности, сохранялась и развивалась в средние века, в эпоху барокко и дошла до начала XVIII в., когда создавалась поэзия Кантемира. В стихотворениях Кантемира упоминается 9 растений: виноград, дуб, лавр, ландыш, мирт, олива, роза/шипок, трилистник, фиалка – причем большинство из них находим в кантемировых переводах из Анакреонта. Наиболее частотна у Кантемира роза, встречающаяся в следующих контекстах: «венки из роз как награда», «розы и весна», «розы и внешность красавицы», «розы и радость», «розы и поэзия/Музы», «розы и заря». Позже эти контексты станут распространенными топосами русской поэзии эпохи романтизма. Особенностью кантемировых переводов из Анакреонта становится использование ландыша в тех контекстах, в которых более поздние переводчики интерпретировали соответствующее греческое слово, как «лилия». Такой необычный выбор слова может объясняться, с одной стороны, отличным знанием Св.Писания («лилия» как «лилия долин» в Песни Песней), с другой, знакомством с последними достижениями ботаники, в частности с сочинениями Карла Линнея, придумавшего научное название ландыша («конваллария» – «лилия долин»). В стихотворении «О беспечном житии», также являющемся переводом, обнаруживается загадочное растение «трилистник», заменившее анакреонтовы «листья лотоса». «Трилистник» – «красный клевер», как и растение оригинала, отличался весьма приятным запахом. Эта черта должна была подсказать современникам Кантемира, какое распространенное растение имеет в виду поэт. Однако клевер не удержался в русской поэзии, поскольку в конце XVIII в., когда складывался русский язык цветов, с ним не связывалось ничего романтического: красный клевер был обычной сельскохозяйственной кормовой культурой.

Д.П.Ивинский (д.ф.н., профессор филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова) в докладе **«Блок и Кантемир: к постановке проблемы»** провел неожиданные, на первый взгляд, параллели с поэзией 20-го века. Блок не писал, не говорил о каком-то особом эстетическом, историческом, политическом или, тем более, религиозно-метафизическом значении сочинений Кантемира, почти не цитировал их, хотя, по всей вероятности, о них помнил. Литературные репутации Кантемира и Блока прямо противоположны. Кантемир – поэт «трудный»: трудны для восприятия его язык, его стих, не очевидны ни круг его культурных интересов, ни, тем более, круг его чтения, не прояснены его литературные, личные, общественные и политические отношения, не установлена – с необходимой степенью полноты – история его текстов, а характер их бытования, широта распространения, вообще их подлинное влияние на современников и ближайшие к ним поколения русских поэтов и читателей остаются не проясненными. Блок – поэт

«лёгкий»: его язык нам ближе, стих привычнее, интонации уже вроде бы банальны, творчество и литературная биография как бы изучены, переписка и дневники частично опубликованы или доступны специалистам. Кантемир моралист и дидактик, Блок мистик, далекий от дидактики и нравоучений; Кантемир сатирик, Блок нет; Кантемир тяготеет к общему, Блок к индивидуальному; оба сейчас воспринимаются как архаика, но разная: архаизм Блок более «близкий», архаизм Кантемир – «далекий» и чуждый. Итак, видимых оснований для постановки темы «Блок и Кантемир» нет, она кажется пустой или ничтожной. Так в какой именно культурной перспективе связаны между собой поэты, не имеющие друг с другом ничего общего?

Структура этой культурной соотнесенности в докладе была сведена к следующим уровням. 1. Уровень исторического (историко-литературного): Блок и Кантемир соотнесены как поэты, с именами которых связаны устойчивые представления о начале и конце истории русской литературы имперского периода, и решение темы «Блок и Кантемир» зависит от того, как мы воспринимаем смысл истории русской литературы. 2. Уровень историко-географического: это петербургские поэты, их мироощущение отделено от московской традиции (Кантемиру она чужда более, чем Блоку), оба мыслят петербургское как европейское. 3. Уровень историко-культурного, тяготеющий к европейскому культурному пространству: европейская мифология и эмблематика воспринимаются как универсальный язык культуры. В обоих случаях подчеркнута роль Аполлона: Кантемир – первый поэт, прямо связанный современником с Аполлоном, Блок – последний. 4. Уровень надысторического: связь с гнозисом как родовая черта – и, следовательно, с некоторой внутренней логикой развертывания сложной истории русского литературного гностицизма.

М.С.Рыбина (к.ф. н., Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы, г. Уфа) в докладе **«Сатиры Кантемира: взгляд из Франции»** обратилась к образу Кантемира в рецензии «*Journal des sçavans*» (май 1751) и возможному влиянию этой публикации на последующие французские издания. Рецензия явилась откликом на републикацию французского перевода «Сатир». Очевидна её зависимость от биографического очерка (его автором называют Октавиана де Гуаско, хотя этот факт признается далеко не всеми исследователями). Помимо фактической стороны, аналогия между предисловием к переизданию и рецензией находит отражение в риторических конструкциях, так, например, оба текста открываются формулой «памятника, воздвигнутого дружбой» (*“un monument que l’amitié consacre”*), восходящей к горацянскому топосу «*exigi monumentum*».

Среди достоинств, отмечаемых анонимным автором рецензии, первое место отводится Кантемиру-дипломату, космополиту и посреднику между различными культурами, далее следует похвала государственному деятелю, литератору, учёному-энциклопедисту и философу, который даже в Париже сохранял привычку к уединению и серьёзным занятиям.

Вторая часть (меньшего объема) посвящена сатирам. Читателю предлагается тематический обзор с более или менее подробным пересказом текста. Слегка касаясь проблемы перевода,

главным достоинством которого признается точность в передаче местных реалий, автор рецензии практически обходит стороной стилистический анализ. Сатирам Кантемира скорее отводится роль литературной «грамматики», учебника, ценность которого заключается не столько в форме, сколько в содержании. Однако в качестве иллюстрации рецензент приводит цитаты как раз из 4-й и 8-й сатиры, в которых речь идёт об эстетических взглядах поэта. Неслучайно в последующей французской литературе за Кантемиром закрепилось прозвание «русского Буало» (давняя и длительная традиция французской критики обозначать явления «чужой» культуры через сравнение со «своим»).

О.Л.Довгий в сообщении **«“Желаем мы смотреть на образ Кантемира...”: русская поэтическая кантемириана»** представила обзор поэтических текстов XVIII – XXI вв., где упоминается имя Кантемира. Так или иначе, вся кантемириана вращается вокруг рифменной оси: «сатира-мира-лира-кумира-Кантемира». Оказывается, у каждой эпохи свой «пир у Кантемира». «Се равный остротой Боалу Кантемир;/ Министр и первый наш он был творец сатир» (Г.Р.Держвин). 18 веку он нужен как сатирик, как русский Буало (Н.П.Николев, Г.Р.Державин, Д.И.Хвостов) и как министр, дипломат (И.И.Дмитриев), часто при полном отрицании его поэтического дара: «Стремился на Парнас, но не было успеха. /Хоть упражнялся в том, доколе был он жив, /Однако был Пегас всегда под ним ленив». (А.П.Сумароков). В 19-м веке Кантемир осознаётся как предшественник А.С.Пушкина (А.И.Полежаев). Имя Кантемира возникает в «декадентских», метафорически перенасыщенных стихах Анны Присмановой: «На канте мира муза Кантемира/Петровской желчью защищала бот...». Поэтессу явно привлекает игра фонетики и семантики. В поэзии 20-го века неожиданно возникает тема тоски по Кантемиру: «И уже электронная лира/ От своих программистов тайком/Сочиняет стихи Кантемира,/Чтобы собственным кончить стихом...» (А.Тарковский). Пушкина начинают воспринимать как прямого продолжателя Кантемира: «Но Пушкину досталась лира / От Антиоха Кантемира» (Евг.Евтушенко). И.А.Бродский, глубокий знаток и ценитель поэзии 18-го века, пишет «Подражание сатирам, сочинённым Кантемиром». Имя Кантемира периодически возникает в шуточных стихах студентов-филологов: «Интертекстологов кумир/Порок бичует Кантемир» (Ксения Куликова). Присутствие Кантемира в русской поэзии – лучшее свидетельство того, что он жив. Поэтическая кантемириана, безусловно, заслуживает собирания и изучения.

С.А.Малышкин (к.и.н. ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса») в докладе **«Памятные места Кантемира в Москве»** отметил, что имя А.Кантемира навсегда связано с культурой России и рассказал о некоторых местах Москвы, связанных с родом Кантемиров. Как известно, Петр Великий при переезде Кантемиров из Молдовы в Россию пожаловал семье значительные земельные наделы. В Москве – это был двор на Варварке. Впоследствии они приобрели владение на Никольской ул., недалеко от Греческого Никольского монастыря. Никольский монастырь – это родовая усыпальница Кантемиров. В Заиконоспасском монастыре обучался Антиох, здесь он читал приветствие в честь посещения Петром I Славяно-Греко-Латинской Академии. В ближайшем Подмосковье, а ныне - столице, Кантемирам

принадлежало несколько усадеб. Среди них находилась наиболее известная – Черная Грязь, спустя много лет проданная Екатерине II и ставшая прославленным Царицыным. Но, помимо этого владения, Кантемиры владели в на юге Москвы еще двумя селениями: Захарьиным-Знаменским и Булатниковым. Кстати сказать, в семейной переписке они называли Булатниково «Антиохией» - в честь знаменитого поэта! На карте нашего города имеется два названия, связанные с Кантемирами. Это – улица Кантемировская и станция метро. Оба топонима расположены на месте владений Кантемиров. Но связаны названия довольно опосредованно. Они получили названия в честь советской 4-й танковой дивизии, которая, в свою очередь, получила звание гвардейской Кантемировской за бои у села Кантемировка в Воронежской области в 1943 г. Само же село было подарено Дмитрию Кантемиру еще Петром Великим, и заселено выходцами из Молдовы, покинувшими родину вместе с Кантемирами.

С.А.Малышкин сопровождал свой рассказ показом слайдов. Присутствующие просили докладчика создать специальную тематическую экскурсию по кантемировским местам Москвы и Подмосковья.

О.Л.Довгий показала фотографии парижской улицы St.-Dominique в приходе St.-Sulpice и дома 22, где жил Кантемир.

«Пир духовный» перемежался с пиром реальным: чай-кофе-квас-фрукты-пирожки; постоянно звучали цитаты из сатир Кантемира, созвучные нашему времени – чаще всего о состоянии науки и образования: «Учёных хоть полна голова, пусты руки»; «Наука ободрана, в лоскутах обшита, /Изо всех почти домов с ругательством сбита...».

В конце встречи участники единодушно одобрили форму проведения научной конференции в форме «пира» и решили сделать 18-вечные пиры в РГГУ регулярными. Следующий пир решено посвятить графу Д.И.Хвостову.

© Довгий О.Л., 2014.

Материал поступил в редакцию 2 июня 2014 г.

Довгий Ольга Львовна,

кандидат филологических наук,

факультет журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва),

e-mail: intrada_2002@mail.com

UDC 821.161.1

Dovgiy O.

**"CANTEMIR'S FEAST". ROUNDTABLE AT THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

Abstract. The material is a brief report on the meeting in May 2014 at the Russian State University for the Humanities (RSUH), the roundtable "Cantemir's Feast"

Keywords: Antiokh D. Cantemir, Russian culture, ars inveniendi, Kantemir encyclopedia, Russian State University for the Humanities (RSUH).

Dovgiy Olga L'vovna,

PhD in Philology,

Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University,

e-mail: intrada_2002@mail.com